

Stephen Lovell. Summerfolk. A History of the Dacha, 1710–2000. Ithaca and London: Cornell University Press, 2003. xvii + 260 pp.

Такую книгу интеллигентному человеку хорошо взять с собой на дачу — в надежде на то, что дачные дела (от хождения на реку и в лес до — у кого дача своя — ухода за посадками и постройками) оставят достаточно времени, чтобы погрузиться в это оснащенное множеством цитат и ссылок и масштабное по своему замыслу произведение. Труд Стивена Ловелла, который учился в университетах Кембриджа и Лондона, знакомит читателя с социальной историей и с местом в отечественной культуре знакомого всякому дачнику феномена. Будь эта книга переведена на русский язык и издана в России (а это, скорее всего, однажды случится), она разошлась бы немалым тиражом. Потому что до тошный иностранец не просто понял, что дача как специфическое культурное и социальное явление относится к сердцевине русской жизни и может многое рассказать, но и проделал большую работу, результатом которой стала хорошо написанная книга со множеством разнообразных иллюстраций.

Книга появилась вовремя. Дача и дачничество в последние полтора десятилетия направились в качестве предмета социологического, антропологического или исторического исследования, прежде всего на материалах самого недавнего времени. Здесь, однако, мы имеем дело скорее с обобщающим трудом, где обрисованы контуры явления от его рождения до современного состояния, нежели со специальным исследованием, принадлежащим узкой дисциплинарной области.

С. Ловелл опирается на максимально широкий круг источников. Они весьма разнородны: это исторические труды и воспомина-

ния, художественная литература и публицистика, специальные работы и архивные материалы; кроме того, это материалы собственных этнографических интервью и интервью, проведенных российской коллегой автора. Более того, в шестой и седьмой главах, где речь идет о позднесоветской и постсоветской даче, автор пользуется текстами, полученными в ходе конкурсов рассказов, которые он устраивал через газету, обещая денежный приз за лучшие сочинения.

В результате перед нами разворачивается широкая историческая панорама загородной жизни в окрестностях Петербурга и Москвы, куда мимоходом вплетаются — и как источник, и как предмет — многие заметные фигуры из истории русской литературы: такие дачники, как Чехов, Блок, Цветаева, Пастернак. Литература вообще занимает в книге большое место: исследуемая дача не в меньшей степени дача дискурса, чем реальная. Дисциплинарная принадлежность этого труда с равным успехом может быть определена и как социальная история, и как «культуральные исследования» (Cultural Studies). Повествование строится в основном по хронологическому принципу: главы соответствуют историческому периоду, который автор выделяет как отдельный этап в истории феномена дачи (впрочем, указывая на то, что хронологические рамки этапов условны); разве что гл. 3–4 делят между собой социологию, географию (гл. 3) и культурологию (гл. 4) применительно к одному и тому же периоду — с середины XIX в. и до революции 1917 г.

Обращаясь в первой главе к этимологии слова и понятия, автор определяет нижнюю границу исследуемого явления 1710 годом, когда петровским придворным раздавались участки не только между Садовой улицей и Фонтанкой, но и на Петергофской дороге. Уже в XVIII в. под дачей имеется в виду не столько участок земли, сколько дом для летнего увеселения высших слоев русского общества. Глава вторая посвящена середине XIX в. и озаглавлена «Между городом и двором», причем смысл заглавия становится понятен к концу этого раздела: нарождающаяся в пригородах дачная культура не связана с принадлежностью к дворянскому сословию и близостью ко двору. Символический момент, отмечающий начало нового этапа — 1837 год, когда было завершено строительство железной дороги в Царское Село и Павловск. Ссылаясь преимущественно на публицистику того времени, автор показывает, как в 1840-е гг. появляются дачи в новом смысле — летние жилища горожан за городом, в т.ч. жилища нанимаемые. Достаточно вспомнить очерк Е. Гребенки в «Физиологии Петербурга», посвященный Петербургской стороне, чтобы живо вообразить себе небогатого петербургского дачника — новый тип, немедленно ставший персонажем фельетонов. Петербуржцы и москвичи, для которых аристократическое времяпрепровождение было недоступно по причине низкого социального статуса и отсутствия средств, а народные

гуляния были малопривлекательны, становятся питательной средой новой культуры досуга и развлечения в пригороде.

В главе третьей («Дачный бум в поздний период Империи») описывается, что понималось под «дачей», где дачи располагались, как выглядели, сколько стоили — обзор экономических и социальных аспектов хотя и познавательный, но довольно беглый. По сути дела, эта тема (как, впрочем, и темы остальных глав) могла бы быть темой отдельной книги. В названии четвертой главы («Между Аркадией и Субурбией. Дача как культурное пространство, 1860—1917») мы снова встречаем слово «между», что — не исключено, что таков был замысел автора — намекает на средний класс городского населения: мысль о показательности феномена дачи как связанного с образом жизни «среднего класса» встречается в книге неоднократно. Расцвет дачи происходит на фоне заката дворянской усадьбы. Для иллюстрации «дачного» дискурса и стиля дачной жизни автор привлекает художественную литературу (это и «Идиот» Достоевского, и Чехов, перед тем — «Обломов» Гончарова, Лев Толстой, Глеб Успенский, и так вплоть до Саши Черного). На даче социально близкие соседи самоорганизуются для совместного проведения досуга (ср., например, широкое распространение любительских театральных представлений), на даче же в сферу досуга проникают новые технологии (велосипед).

В пятой главе («Становление советской дачи, 1917—1941») автор, среди прочего, задается вопросом: можно ли усмотреть осмысленную связь между дачами, описанными в чеховских рассказах, и дачами советской элиты 1930-х годов — и находит на этот вопрос скорее положительный ответ. Да и в целом, с его точки зрения, в исследовании советского общества плодотворно — особенно в пределах узкой предметной области, например, исследования феномена дачи — сопоставлять разные периоды и выделять элементы традиционные, противопоставляя их плодам модернизации (которые, в свою очередь, могли оказываться «неотрадиционными»¹). С. Ловелл рассматривает причины, по которым дача как социальный феномен сохранилась, пройдя через бури революции и гражданской войны. Дачи в довоенном Советском Союзе — это, с одной стороны, привилегия элиты, но, с другой (и другие дачи) — то небольшое, что позволялось не принадлежащему к элите человеку иметь на правах собственности (по контрасту с жилищем в городе, которое принадлежать гражданину не могло).

Глава шестая («Между потреблением и собственностью. Загородная жизнь 1941—1986») обращается к повсеместному распро-

¹ Из заметных публикаций последнего времени, где такая перспектива подкрепляется интересными социологическими и демографическими данными, см. Вишневецкий А. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

странению дачи и тенденции к ее трансформации из места отдыха к месту труда на приусадебном участке. Во время войны массовый характер приобретает огородничество — чтобы выжить, люди снабжали себя продуктами сами; позже это движение получает санкцию свыше. Дача, приобретаемая в результате вступления в дачно-строительные кооперативы и — позднее — в садоводческие товарищества, будучи «личной собственностью» граждан, зачастую становится источником проблем в хрущевское время, отмеченное разного рода ограничениями под флагом борьбы со стяжательством и нетрудовыми доходами. С. Ловелл красноречиво иллюстрирует это материалами из периодической печати и законодательными положениями. Стоит добавить, что дача как дополнительное жилье рассматривалась с официальной точки зрения как часть общей жилой площади семьи вместе с ее комнатой в коммунальной квартире (или отдельной квартирой) в городе, что порождало многочисленные коллизии в ходе попыток «улучшения жилой площади». Автору этих строк приходилось видеть в архиве письма-доносы искавших справедливости трудящихся, инициировавших разбирательства в отношении своих соседей — вплоть до конфискации новополученной квартиры у семьи, которая скрыла наличие у нее дополнительной жилплощади на даче.

Наблюдения С. Ловелла, связывающие дачную культуру и развитие сферы досуга, касаются и этого периода — например, как один из факторов упоминается введение пятидневной рабочей недели с двумя выходными. Развитие понятия дачи в позднесоветское время определяется тем, что садовые участки со строениями на них (ср. «временка», фото на с. 196) и собственно дачи начинают смешиваться в пределах единого концепта. Какого бы, однако, они ни были типа, для автора важно, что дачи могли становиться местом приложения индивидуальной инициативы, куда иной советский человек вкладывал душу и все делал своими руками — потому что дача была «редкой для советских граждан возможностью де-факто пользоваться частной собственностью на недвижимое имущество» (с. 199; ср. там же далее: «собственник дачи был человеком, который “умеет жить”»). С. Ловелл суммирует свои наблюдения над развитием феномена дачи в послевоенный период, отмечая изменения в отношении людей к земле, собственности, досугу, культуре потребления и домашнему очагу (с. 208); листаящему эту книгу дачнику впору оглядеться вокруг и задуматься о собственной и своих соседей домовитости: если она есть, то каковы ее культурные корни и не имеют ли они, действительно, отношения к чувству собственности?

Седьмая глава («Постсоветская субурбанизация?») посвящена дачным поселкам в современной России. Новая фаза развития дачи как явления связывается с процессом субурбанизации, развивающимся начиная с 1980-х гг. и сглаживающим резкий пе-

реход между городом и сельской местностью, который стал результатом советской политики урбанизации¹. Характерной чертой раннего постсоветского дачного хозяйства оказывается, с одной стороны, возросшая роль садовых участков в прокормлении семьи, а с другой — появление в дачной местности особняков «новых русских». Отечественная субурбанизация, отличающаяся от западной по движущим силам и формам, теперь не сдерживается ограничениями, активно порождает свою субкультуру (вплоть до периодики и телепередач для дачников-садоводов), но садовые участки, вопреки некоторым ожиданиям, не преобразуют наши пригороды в подобие пригородов в американском понимании: для многих привязанность к участку и даче оказывается прежде всего стратегией выживания.

Заключение, наряду с замечаниями о том, как феномен дачи (и преемственность интеллигентского образа жизни) отразились в фильме Н. Михалкова «Утомленные солнцем», содержит любопытное утверждение, вносящее свою лепту в обсуждение проблемы «среднего класса» в России: городское население, которое могло бы считаться принадлежащим к среднему классу, но не имело объединяющего самосознания и других условий для консолидации, если и объединялось чем-то на протяжении последних полутора веков, так это привычкой к выезду за город — это просто-напросто дачники (с. 236).

Книга обильно иллюстрирована изображениями, планами дач и карикатурами разных лет на темы дачной жизни; иллюстрации снабжены подробными подписями. Заботясь о читателе, не знающем близко с плохо переводимыми с русского языка словами, автор прилагает к тексту глоссарий, куда попадают, среди прочего: флигель, гулянье, мещанин, прогулка и времянка.

Возможно, это только русскому дачнику задача обозреть культуру отечественной дачи в ее становлении, присовокупляя социальные, экономические и географические соображения, кажется слишком масштабной; британский исследователь, очевидно вдохновленный посещением наших дачных местностей, не испугался. Без особенных методологических новаций, отчасти опираясь на готовые категории («потребление», «собственность», «приватность», *sociability*), он широкими мазками набросал картину, которая выглядит узнаваемо и наводит на дальнейшие размышления и постановку новых вопросов. А это, согласитесь, достойный результат дачного чтения.

Илья Утехин

¹ О демографических и географических аспектах этого процесса см.: Нефедова Т. Российские пригороды. Горожане в сельской местности // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. С. 374–399.